

БССР
г. Минск
ру. драмтеатр

апр 1986

СВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ
Минск

29 апреля 1986 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Перестройка, начавшаяся в стране и коснувшаяся всех сторон жизни, поступала в душу, сердце каждого из нас. Пытаясь по-новому решать экономические, социальные вопросы, человек постоянно сталкивается и с нравственными, отвечать на которые необходимо, соотносясь с духом времени.

Начну с общезвестного: трудно составить идеально сбалансированный план, организовать строительные работы

так, чтобы все звенья действовали четко, как в часовом механизме, но, пожалуй, еще труднее разбираться в человеческой сущности. К сожалению, никто еще не предложил безупречных тестов, где бы от суммирования простых «да» и «нет» напротив контрольных вопросов можно было безошибочно определить суть человека. А как бы не помешало иметь ключ хотя бы к решению тех психологических, нравственных проб-

лем, которые возникают наиболее часто.

И все-таки, что если попробовать смоделировать наиболее типичное и подыскать ключи решения... А в помощники призвать пьесу Владлена Дозорцева «Последний посетитель» и одноименный спектакль, поставленный в Русском драматическом театре в Минске режиссером Валерием Маслюком.

диктатуры честности. Суть теоремы не нова. Вот как ее излагает сам Ермаков:

— Вы не понимаете одной вещи. Есть закон больших чисел... Это не только в медицине. Это везде. Это — где хочешь. Между прочим, самый демократичный подход и делу: все — в интересах большинства. Можно думать о человеке, а можно — о людях. Что важнее? Вот у тебя тонет десять пионеров, а

и апеллируют эти дельцы к большими конечными результатам и прочим большим цифрам, потому что именно за безусловным громадьем наших общих целей в наибольшей степени удобно им укрыться, отвлечь внимание от мелкотривиальности собственных поисков. Проникновение таких людей в коллективы, их имитационная деятельность крайне опасны для морального здоровья других. Деятельность вооруженных современными знаниями мещан в той или иной микросреде, обстановке, которую они создают своим «двоемыслием», может даже на какое-то время тем, кто со-прикоснулся с ними, надеть черные очки на глаза.

Жесткие слова обращены на XVII съезде КПСС в адрес тех, кто тащит в новую жизнь старые пороки: бюрократизм, двурушничество, эгоизм, начальничество, неискренность, что мешает нашему движению вперед.

О таких людях говорит совесть устами посетителя:

— Вам нельзя иметь дело с массами, потому что для вас жизнь одного человека ничего не стоит. У вас вот таня (показывает) дыра в этике. И я вам не верю! Не можете вы болеть интересами большинства — вы ими только прикрываетесь! Нет никаких законов больших чисел — есть например карьеризм и восторг чиновника!

Ключ третий:

О Монблане
карьеры и
подлинных
ценностях

управленческий аппарат, реорганизация которого идет сейчас интенсивно, притягивает внимание общественности. Как смело врывается на его этажи свежие ветры, что изменяется здесь в глубинных процессах! Какие тенденции, привычки изживаются, какие задачи решаются?

Эти проблемы, выкристаллизовавшиеся в ходе общественного созревания, ставятся и литературой, и театром. Посетитель через всю пьесу проводит мысли автора о том, что демократизация управленческого аппарата, максимальная гласность в его работе — один из тех инструментов, который поможет избавиться от наносного, мешающего нам.

Казмин на протяжении всей пьесы задает однотипные раздраженные вопросы посетителю: «Простите, вы кто?» «Почему именно вы, которого никто не посыпал?» «Что вам за дело до чужих забот?» «Вы из системы народного контроля?» «Может, какая-нибудь комиссия?» «Вы не депутат?»

А ведь не это должно беспокоить Андрея Андреевича, а

суть проблемы, с которой пришел посетитель, поиски путей ее разрешения. Но что-то решить здесь, прямо в кабинете, не в его традициях. «Ну, быстрее», — торопит Казмин посетителя с рассказом, чтобы перепоручить, а значит спустить привычного коллегу равнодушного чиновничества «чореднова»: «Что у вас — приспособление? Препарат? Метод?» Сто раз об одном и том! Неинтенесно! (Помните? Он уже давно устал от дел!).

Так поступает он с теми, кто пришел по личным вопросам, а с теми — кто по государственным? Посетитель за Казмина отвечает нам на вопрос, как он ведет себя в другом случае: «Вы же ничего не договариваете до конца! Вы когда-нибудь до конца пробовали?»

В том-то все и дело, что не пробовал, потому что «до конца» — это уже атака, бой, а результат может быть разный. Казмин же взошел во «второй кабинет министерства», чтобы вести беспроигрышную личную игру.

Непростая это жизнь: одновременно сторожить Монблан карьеры и вести корабль через кипучее море общественных дел. Такое раздвоение успеху в работе не способствует. На плаву еще удержаться можно, а вот управлять — вряд ли. Ну поквакается такой по волнам — за это ему современники, естественно, не скажут спасибо, а потомки и вовсе подивятся: как же так, человеку были предоставлены большие полномочия, чтобы помочь обществу сдвинуть шаг вперед, а он от этого отказался, употребив всю энергию на то, чтобы удержать под собой стул. Какая мелкая и скучная жизнь!

Да и себя надолго не обманешь. Рано или поздно придется ответить на вопрос: «Что же это было — моя жизнь?» Посетитель размышляет об этом так:

«...Я вот к какому выводу пришел: жизнь состоялась, если она была системой, а не беспорядком. Не кое-как прошла, а твоей волей двигалась и твоей волей управлялась. Почему я ничего не боюсь? Потому что знаю, как хочу жить. Я хочу наводить порядок...»

Вступая на руководящую должность, человек должен иметь выделяющие его среди прочих способности, борьбу правдивости в свои руки, он обязуется добиваться успеха в руководимом деле, становиться еще в большей мере социально ответственным лицом, подчиняющимся диктатуре коммунистической совести.

Именно к ней, диктатуре нашей совести, и обращается автор пьесы. Проблемы, которые затронуты им, перемены, к которым мы стремимся, касаются всех нас, руководителей и неруководителей. Они наши, общие. Как и дело, которому мы служим.

И. ГУРИНОВИЧ

ДИКТАТУРА СОВЕСТИ

Ключ первый,
или Кое-что о
нравственной
арифметике

Фабула сценического действия необычна. К высокому начальнику, заместителю, без пяти минут министру, в день приема по личным вопросам приходит посетитель. И предлагает Андрею Андреевичу Казмину оставить свой пост. Если судить по высоким меркам нравственности, считает посетитель, Казмин не имеет права занимать руководящую должность, принадлежащую которая может только кристально честному человеку, имеющему подлинные убеждения, а не декларирующему их лишь потому, что к этому обязывает положение.

Серьезное обвинение. И мы к нему относимся поначалу настороженно, отлично понимая, как сложно примерять реального, земного человека к максимализму лозунгов. Жизнь сложна. И каждый из нас, как говорится, читает ее с листа. Бывает, что и запинается...

Возникает извечный вопрос: имеем ли мы право на ошибку? Как поступать с пресловутой ложкой дегтя в бочке меда? Как научиться отличать ошибки роста, которые лишь закаляют личность, от трусости, себялюбия, от зачастую легко камуфлируемых компромиссов, от агрессивной некомпетентности — короче, всего того, что безусловно ведет к деградации социально здоровой личности.

Автор пьесы предлагает нам решить вместе с его героями подобную нравственную задачу.

— Я пришел на пустое место, — отставая себя, произносит горячий монолог хирург Казмин, — я этот Центр (занимающийся аортопластикой) носил в голове, как стакан с водой... Боясь расплескать. Никто не верил, что можно. Мне не давали людей на стол... Вы делом интересовались? Вы знаете, что был моим первым пациентом?.. Кто контрабандой лег на стол?.. Женщина, которая стала моей женой... Она ходит с моей заплаткой в груди... Когда я до взрыва аорты оставалась несколькими днями... У меня на девятом году практики — инфаркт, это от чего? От того, что я искал выгоды? В Центре есть еще люди, с которыми я работал, — вы их спросили?

Да, многие годы подряд, между и днем профессор Казминым появляются люди, имею-

мин резал живую плоть, «которая стремилась умереть». Выкравал, латал, шил по локоть в крови.

— Аортопластика — это не зубы сверлить, — волнуясь, продолжает он, — у вас на аорте — вот такое вздутие, такой мешок с колоссальным давлением крови в стенку. И стена все тоньше и тоньше. И это уже — бомба в груди! И надо ее обезвредить. И вшивать кусок лавсанда. И потом вдуть в человека слабую жизнь. А у него — оторжение, нерастяжение, тромбозмия, удуши...

Усилий во имя блага человека общество не могло не заметить. Работа врача выдвигается на Государственную премию. Тут-то и таится кульминация развертываемых событий. Заканчивает свой монолог о лучшем, что сделал в своей жизни. Андрей Андреевич заявляет, что устал.

Стоп! Вот она та грань, тот поворотный пункт, с которого все началось.

Итак, человек устал, достигнув трудной, заветной цели. Его можно понять. А посему дальнейшая честная логика события должна была бы развиваться приблизительно так: Казмин переходит на новое место работы, соответствующее его ослабшим силам, но где можно быть по-прежнему полезным людям, хотя бы тем, чтобы своим авторитетом помогать полным энергии специалистам двигать дело вперед.

Посетитель — иначе?

— Я теперь думаю, что нам в жизни судьба? Лучшее, что мы сделали? Или худшее, чего мы стыдимся втайне? Я говорю так: худшее — это наш прокурор. Лучшее — это наш адвокат. И что? Между ними — суд? Ну нет... Лучшим можно гордиться, а за худшее — отвечать...

Но в том-то и суть, что сладость почета, внимания, преклонения, которые воздаются за однажды достигнутое, столь велико, что человек решает задержаться (ведь имеет право!), оставаться (а почему бы и нет!) на высоте. Что же касается дальнейшей растрасти собственных сил, энергии — то их стоит поберечь (сколько же можно?!).

Посетитель тверд во мнении: не должно быть никаких спилований, которые воздаются за однажды достигнутое, столь велико, что человек решает

остаться (ведь имеет право!), оставаться (а почему бы и нет!) на высоте. Что же касается дальнейшей растрасти собственных сил, энергии — то их стоит поберечь (сколько же можно?!).

С изменением философии личности меняются и поступки. Теперь Казмин оперирует больными, которые после операции, он уверен в этом, излечиваются стопроцентно, и не рискует брать на стол «сложных». Концовка их произведений разная. Литератор показывает своего персонажа как нашедшего в себе силы вернуться к себе самому — лучшему. Режиссер не верит, что этот человек, отдавший себя в лапы этической беспричинности, в состоянии повернуть свою жизнь, построить ее по-новому.

Эта моральная теорема была сочинена давно, но интерпретировалась разного рода rationalизаторами от нравственности не однажды. В пьесе к ней прибегает Ермаков, помощник зам. министра, тот самый человек, сближение с которым у Казмина началось в момент появления усталости от

еще один. Кого будешь спасать? Это, знаете, у вас там, в девятнадцатом веке, людей было мало и можно было подумать о каждой живой душе. А у нас, в двадцатом, по одному не тонут... Мы имеем дело с массами... Да, жаль Гравинича (молодой журналист — И. Г.). Но еще больше жаль тех, кто стоит в очереди на стол. Нам нужен конвейер, который сможет спасти сотни людей. А пока что мы стыдимся, что бы с нами после этого разговаривали?

Время течет, изменяет действительность. На дворе двадцатый век, век НТР. А это значит, что целый ряд нравственных категорий и критерии становятся все более актуальными по сравнению с девятнадцатым веком, к ним приковано внимание общества, велика в них его заинтересованность: роль конкретных знаний, рациональных действий, умения мобильно перестраиваться в такт быстро меняющимся технологиям. Этакого рода людские качества ценятся особо.

Однако естественная перестройка не означает того, что изменились нравственные, этические законы, по которым жил и продолжает жить человек.

Альберт Эйнштейн в своей статье, посвященной памяти Марии Кюри, говорил о непрекращающей ценности нравственной жизни: «Моральные качества выдающейся личности (это необходимо отнести и к любому человеку — И. Г.) имеют, возможно, большее значение для данного поколения и всегда хода истории, чем чисто интеллектуальные достижения».

Быть нравственным, а значит уметь соотносить следование идеалам с достижением конкретных практических целей — задача не из простых, посильная не для каждого. Вот и появляются всяческие теоремы-загадки, сочиненные «рationalизаторами», которым выгодно подстраиваться к требованиям времени, чтобы маскировать перед людьми симптомы сердечной болезни, диагноз которой — моральная недостаточность.

Быть нравственным, а значит уметь соотносить следование идеалам с достижением конкретных практических целей — задача не из простых, посильная не для каждого. Вот и появляются всяческие теоремы-загадки, сочиненные «rationalизаторами», которым выгодно подстраиваться к требованиям времени, чтобы маскировать перед людьми симптомы сердечной болезни, диагноз которой — моральная недостаточность.

Ключ второй, или О законе больших чисел

Эта моральная теорема была сочинена давно, но интерпретировалась разного рода rationalизаторами от нравственности не однажды. В пьесе к ней прибегает Ермаков, помощник зам. министра, тот самый человек, сближение с которым у Казмина началось в момент появления усталости от